

Короткова Л.В.

Кандидат филологических наук, доцент Херсонского государственного
университета

**ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ТЕКСТОВЫХ
АНОМАЛИЙ В РАССКАЗЕ А. КАРТЕР «ПРЕКРАСНАЯ ДОЧЬ
ПАЛАЧА»**

Настоящая статья посвящена исследованию функциональной характеристики текстовых аномалий в современной англоязычной художественной прозе. С этой целью в ней анализируется рассказ А. Картер, где текстовые аномалии играют решающую роль в создании "преднамеренного повествовательного хаоса, фрагментированного дискурса о восприятии мира как разорванного, отчуждённого, лишённого смысла, закономерности и упорядоченности" [5, 164].

Под *текстовыми аномалиями* (далее ТА) в статье понимаются радикальные инновации, нарушающие систему устоявшейся (нормативной) художественной символики и/или композиции, интерпретация которых выходит за рамки предшествующего опыта предполагаемого адресата. ТА в художественном тексте представляют собой "тёмные места", акцентированные рецептивные трудности, способствующие деавтоматизации художественного восприятия. Они рассчитаны на преднамеренную активизацию процесса интерпретации текста за счёт особых, дополнительных когнитивных и эмоциональных усилий со стороны читателя.

Художественный текст характеризуется абсолютной антропоцентричностью, которая определяется взаимодействием адресанта-писателя с адресатом-читателем через систему действующих лиц, создаваемых автором произведения. Персонажи художественного

произведения выступают основными проводниками интенции автора-писателя [см. 3; 6]. Говоря иными словами, человек как объект изображения неизбежно оказывается в центре художественного познания. Он представляет собой существенную часть авторского мира, реализованного в тексте.

ТА, функционируя в художественном тексте, представляют "нестандартную" интерпретацию реального мира и человека в этом мире. Изображение человека в искусстве постмодернизма выразилось в полной деструкции персонажа как психологически и социально детерминированного характера. Растворение характера – это сознательная жертва постмодернизма [4, 222-233].

Постмодернистскую концепцию личности в литературе отражает *характерологическая функция* ТА, которая заключается в ироничной характеристике персонажа: ТА дают персонажу или его предполагаемым действиям и реакциям "странную" характеристику и/или оценку. ТА характеризуют странность внешнего вида субъектов, их действий и поведения, нравственную сторону текстового мира.

Для анализа характерологической функции ТА обратимся к примеру. В рассказе А. Картер "The Executioner's Beautiful Daughter" (F, 13-21) обнаруживаются четыре ТА. Они характеризуют 1) странность внешнего вида субъектов текстового мира, 2) нравственную сторону этого мира, 3) подчёркивают странность действий главного персонажа – Гретхен, 4) способствуют изображению двуличия главного героя – палача, виновного в проступке (или преступлении), за совершение которых, он судит других людей (ср. у М.-Л. Райан, по замечанию которой данное "внутреннее противоречие" является самой убедительной формой повествовательной иронии [7, 155]).

Одна из четырёх ТА в анализируемом тексте характеризует странность самого текстового мира и внешнего вида субъектов этого мира. Деревня, в которой происходят события в рассказе, расположена высоко в горах. Всё в

этой деревне мрачно и неприветливо (*the villages breathe no welcome*): и природа, и люди, и даже дома, в которых они живут: *Even the walls of the rudely constructed houses exude suspicion. <...> each house presents to the eye as featureless a face as those of the Oriental demons whose anonymity was marred by no such commonplace a blemish as an eye, a nose or a mouth* (F, 17). Неприветливость и недоброжелательность местного населения подчёркивается уродливостью внешнего вида людей. Эпитеты, которые используются для описания внешности людей, имеют негативную окраску: "sullen" (угрюмый), "chronic" (хронический), "limp" (слабый, вялый), "ugly" (уродливый), "vicious" (злобный), "filthy" (мерзкий), "hideous" (отвратительный) and "verminous" (кишащий паразитами). Об отвратительном виде людей свидетельствуют и фразы *The general air of malign unease <...> is their most immediately distinctive characteristic; All share a general and unprepossessing cast of countenance* (F, 17). Кроме того, все люди – неопрятны: живут они в домах вместе с домашними животными, зубы у них – гнилые, волосы всегда грязные. У всех у них есть вши и блохи, все страдают хроническими болезнями.

ТА, подчёркиваемая акцентированной избыточностью, характеризует в данном случае странность, аномальность внешнего вида субъектов текстового мира.

В этой мрачной деревне среди уродливых людей, у которых нет в жизни никаких интересов (*Their lives are dominated by a folklore as picturesque as it is murderous* (F, 19), дочь палача, по имени Гретхен, как подчёркивается в рассказе, единственная красавица. Это подтверждает и само название рассказа, и эпитет "beautiful", словосочетание *the pastel beauty*, сравнение девушки с цветком *the flower of the mountain* в следующих фразах *the executioner's beautiful daughter, on whose cheeks the only roses in these highlands grow; In this museum of diseases, the pastel beauty of Gretchen, the executioner's daughter, is all the more remarkable; Gretchen, the only flower of*

the mountains <...> (F, 16, 18, 20). Метафора *museum of disease* подчёркивает контраст красоты девушки и уродства остальных людей деревни. Непрототипическая ситуация (не может только один человек быть красивым, а все остальные – уродливыми) приводит к возникновению когнитивного диссонанса.

Другая ТА характеризует и странную (аморальную) нравственную сторону мира в данном тексте. Самым страшным грехом в деревне, в которой разворачиваются события в рассказе, считается кровосмешение. За совершение такого рода преступления человеку отрубает голову: *In this country, incest is a capital crime; the punishment for incest is decapitation* (F, 20). Но, несмотря на это, убогие и душой и телом люди, продолжают заниматься кровосмешением, за которое их однажды выгнали из другой местности. Рассказ начинается с очередной казни, которая стала единственным "развлечением" для диких людей: *The wild mountain-dwellers are gathered together to watch a public execution; that is the only entertainment the country offers. Daily their minds are terrified and enlightened by the continuous performances of apocalyptic dirges for fornicating siblings* (F, 14, 20).

Третья ТА характеризует двуличие субъекта текстового мира – палача, который является главным представителем закона: *He is the image of retribution* и вершителем судеб: *He has become an object who punishes*, которого все боятся: *The warped stumps of villagers gaze up at him with awe and fear. He is an object of fears*. Он – король (*amongst these benighted mountain-dwellers and the apex of esoteric power lies, it would seem, in the person of the king himself*). Слово могущественного палача является законом для людей (*whose word is law*) (F, 14-19).

Двуличие палача подчёркивает логическая противоречивость, являющаяся проявлением ТА. С одной стороны говорится, что палач могуществен, с другой – он самый бедный в своём королевстве: *This nominal ruler is in reality the poorest beggar in all his ragged kingdom* (F, 19, 20).

Могущественный, но никогда не снимает с лица маску (*always wears a curious mask* (F, 14); *he never doffs his leather mask*) (F, 15), потому что без неё его не узнают (*her father does not remove his mask for who would recognize him without it?*) (F, 20). Маска палача, почти полностью скрывая его лицо, стала его вторым лицом (*and this face no longer pertains to that which is human as if, when he first put on the mask, he blotted out his own, original face and so defaced himself forever*) (F, 15).

Двуличие палача в том, что он казнит за кровосмешение жителей деревни, он отрубил голову даже своему единственному сыну за то, что он имел близкие отношения с родной сестрой: *He perpetrates his inalienable right in the reeking courtyard upon the block where he struck off the head of his only son. The executioner has beheaded his own son for committing the crime of incest upon the body of his sister* (F, 16, 20). Следовательно, он строго следит за соблюдением закона. В то же время палач имеет близкие отношения с родной дочерью, т.е. сам же совершает преступление, за которое судит других людей: *In this country, only the executioner may indulge his perversities* (F, 17); <...> *only the executioner himself, because there is nobody to cut off his head, dare, in the immutable privacy of his leathern hood, upon his blood - bespattered block make love to his beautiful daughter* (F, 19, 20).

Четвёртая ТА в анализируемом рассказе характеризует и аномальность поведения дочери палача. Её красивая внешность противопоставляется уродливой внешности других жителей деревни. Но в то же время, Гретхен ничем не отличается от остальных жителей этой мрачной деревни: она имеет близкие отношения со своим отцом-палачом, казнившим её брата за сожительство с ней же, хотя в рассказе и говорится, что после казни брата она плохо спит по ночам: *Gretchen no longer sleeps soundly* (F, 16).

ТА, характеризующая поведение дочери палача, проявляется через логическую противоречивость: сначала следует утверждение, что Гретхен не знает, что такое велосипед (*she did not know what a bicycle was*), затем

сообщается, что в своих снах она видит казнённого брата, катающегося на велосипеде (*upon a bicycle her brother wheeled and circled through her troubled dreams until the cock crowed*).

Таким образом, ТА в рассмотренном рассказе характеризуют странность внешнего вида субъектов, их действий и поведения, нравственную сторону текстового мира.

ТА, давая ироничную характеристику субъектов странного текстового мира, способствуют неоднозначности интерпретации, что позволяет литературе постмодернизма "часто задавать миру серьёзные вопросы, хотя и не напрямую" [1, 135]. "Писать, – отмечает Р. Барт, – значит расшатывать смысл мира, ставить смысл мира под косвенный вопрос, на который писатель не даёт последнего ответа" [2, 144].

Представляя собой результат определённого видения реального мира автором постмодернистской художественной прозы, в частности англоязычной, ТА являются неисчерпаемым лингвистическим материалом для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Костикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издат. группа Прогресс, 1994. – 615 с.
3. Воробьёва О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 1993. – 382 с.
4. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 254 с.

5. Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. – Москва: Интрада, 1998. – 254 с.
6. Колегаева И. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса: Редакционно-издательский отдел областного управления по печати, 1991. – 121 с.
7. Ryan M.-L. Possible Worlds, Artificial Intelligence and Narrative Theory. – N.Y.: Bloomington & Indianapolis Press, 1991. – 285 p.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

F = Fireworks by Angela Carter. – L.: A Virago Modern Classics, 1996. – 122 p.